

лись в свою страну.

Послание Тристана

И дальше в нашей повести говорится, что, когда корабельщики оставили тела покойных на попечение старушки, та принялась оплакивать их, поминая все сказанное и сделанное Тристаном. И окрестные жители сбежались на ее стоны и крики и спросили, чьи это тела, и она им ответила, что это тела Тристана и прекрасной Изольды, жены короля Марка. И снова подняла столь великий плач и стон, что в ту пору не расслышать было бы и грома небесного.

И случилось там быть одному грамотею, который прочел записку Тристана, гласившую, что не должно хоронить его тело и касаться ларца, привязанного к мечу, доколе король Марк не отомкнет этот ларец. И тогда окрестные жители возвели над телами часовню, и окружили ее стеной, и стерегли их денно и нощно. И решили послать за королем Марком, и послали за ним одного отшельника, мужа святого и благочестивого. Отшельник отправился в путь и шел до тех пор, пока не повстречался с королем Марком в Кашенесе; тот возвращался от короля Артура и вез от него в подарок Изольде обезьянку. Увы, он не знал, что Изольда мертва и Тристан, его племянник, тоже.

Отшельник поклонился королю и сказал:

– Тот, кто хранит в сердце своем злопамятство и умирает во гневе, сам разлучает себя с богом, предавая душу свою и тело дьяволу. Потому я и прошу тебя не поддаваться гневу, какие бы вести ни пришлось тебе от меня услышать.

Король внял увещаниям отшельника и ответил ему:

– Если будет на то воля господня, постараюсь я сдержать свой гнев, чтобы не обрели надомной власти адские силы.

– Мудры ваши слова, сир, – молвит отшельник. – Знайте же, что Тристан, ваш племянник, и Изольда, ваша жена, мертвы и что тела их привезены к вам из Бретани. И Тристан оставил записку, гласящую, чтобы никто, кроме вас, не смел касаться ларца, привязанного к его мечу. И знайте, что Тристан изнемогал от тяжелой раны, которую не мог залечить никто, кроме Изольды, и что послал он за ней Женеса и тот привез ее. Но не успела она приехать, как Тристан умер; тогда умерла от скорби и она. И тела их были отправлены сюда и вверены попечению господню; вот уже три дня, как лежат они в гавани. Поспешите же взглянуть, что скрывает в себе ларец, а потом делайте с телами все, что вам будет угодно.

Услышав эти вести, так опечалился король, что упал бы с коня, если бы отшельник не подержал его. И сказал он:

– Ах, Тристан, милый мой племянник, сколько бед пришлось мне вытерпеть из-за тебя! Ты покрыл меня позором, ты отнял у меня жену! И потому клянусь я прахом своего отца, что веки не покоится твоему телу в моей земле!

Тут король пустился в путь и ехал до тех пор, пока не добрался до Тентажеля, где лежали в гавани тела покойных. Люди прослышали о клятве, которую он дал, и взмолились в один голос:

– Ах, король, бери все, что у нас есть, только похорони с честью того, кто избавил от рабства тебя и твою землю и освободил всех нас, ибо ты и сам хорошо это знаешь!

И, услышав эти мольбы, сжалился король. Взял он ларец и отпер его. Внутри лежала грамота, скрепленная печатью Тристана. Король попросил архиепископа прочесть ее. И вот что она гласила:

«Моему дорогому дяде, королю Корнуэльса Марку, от Тристана, его племянника, – привет. Сир, вы послали меня в Ирландию, чтобы я привез вам в жены Изольду. Когда раздобыл я ее, была она отдана мне, чтобы я доставил ее вам, ее мать приготовила напиток из настоящего на травах вина, и свойство этого напитка таково, что испивший его должен непременно полюбить ту, кто изопьет его вслед за ним, и та тоже. И знайте, сир, что вверила она кувшин с тем напитком Бранжьене и заповедала ей, чтобы никто не пил его, кроме вас и дочери ее Изольды; а вы с ней должны были испить его в первую брачную ночь. И когда были мы в море, стояла такая жара, что, мнилось мне, вся вселенная вот-вот от нее задохнется. И я возжаждал и попросил пить, и Бранжьена по оплошности подала мне этот напиток, и я испил его, а вслед за мной Изольда, и с той поры влюбились мы друг в друга. Теперь вы сами видите, сир, что не